

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМЕН В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ (на мазандеранском и гилякском материале)*

© 2017

**Владимир Борисович Иванов^{а, @},
Лейли Рахимовна Додыхудоева^б**

^а МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^б Институт языкознания РАН, Москва, 119009, Российская Федерация; @iranorus@mail.ru

В мазандеранском и гилякском языках традиционно постулируется три падежа: именительный (с нулевым окончанием), родительный (с показателем *-e / -ə*) и винительно-дательный (маркируемый послелогом *-re / -a ~* перс. *-rā*). Прочие послелоги в падежную систему не включаются. В данной статье предлагается беспадёжное описание грамматики мазандеранского и гилякского языков с обратной изафетной связью и послелогам. Делается попытка связать прямой персидский изафет (характерный для юго-западных иранских языков) и обратное изафетное маркирование в мазандеранском и гилякском языках в единую систему.

Ключевые слова: гилякский язык, изафетная конструкция, клитика, косвенное дополнение, мазандеранский язык, падеж, прямое дополнение, синтаксис, фразовый аффикс

SYNTACTIC RELATIONS OF NOMINALS IN THE NORTH WESTERN IRANIAN LANGUAGES (with special focus on Mazandarani and Gilaki)

Vladimir B. Ivanov^{а, @}, Leyli R. Dodykhudoeva^б

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^б Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; @iranorus@mail.ru

Traditionally, three cases are postulated in Mazandarani and Gilaki, namely the nominative, the genitive (marked by *-e / -ə*) and the accusative / dative (marked by the postposition *-re / -a ~* Persian *-rā*). Other postpositions are not included into the case system. In this article, a caseless description of the Mazandarani and Gilaki grammar with inverse ezāfe connection and postpositions is suggested. Direct, as in Persian (typical for southwestern Iranian languages), and inverse ezāfe marking as in Mazandarani and Gilaki are unified into a single system.

Keywords: case, clitic, direct object, ezāfe construction, Gilaki, indirect object, Mazandarani, phrasal affix, syntax

1. Введение

Мазандеранский и гилякский — два близкородственных языка, которые входят в северо-западную подгруппу иранских языков; на них говорят около 2,5 и 3 млн. человек соответственно.

Мазандеранский язык (МЯ) с его диалектами распространен в прикаспийской провинции Мазандеран (Иран) и ее окрестностях (древнее название провинции — Табаристан, а МЯ — табари). К числу его разновидностей относят равнинные идиомы городов: Сари,

* Исследование было поддержано грантом РГНФ № 13-04-12016в.

Баболь (Бандпей), Бабольсар, Амоль, Горган и еще около полутора десятка населенных пунктов [Kalbāsi 2009: 779]. Практически его разновидностью является также и шамерзади (в городе Шахмирзад остана Семнан) [Расторгуева, Эдельман 1982: 447; Расторгуева 1999в: 135]. Однако носители последнего не причисляют свой язык к мазандеранскому, хотя с мазандеранцами на нем устанавливают полное взаимопонимание. И. Калбаси [Kalbāsi 2009: 535] определяет его как диалект мазандеранского. В иранистике выделяют также близкий к мазандеранскому диалект велатру [Расторгуева, Эдельман 1982: 447; Расторгуева 1999а: 141], который функционирует в поселке городского типа Велаят-е Руд к северу от Караджа¹.

Гилякский язык (ГЯ) с его диалектами распространен в иранской прикаспийской провинции Гилян и ее окрестностях. В отечественной иранистике язык называется гилянским, что, на наш взгляд, не вполне корректно. Предлагается отличать топоним «гилянский» (Gilani), то есть относящийся к провинции Гилян, от этнонима «гилякский» (Gilaki), то есть относящийся к гилякам (Gilak) — самоназванию народности, населяющей Гилян. Гилянцами называют все население Гиляна независимо от национальности (гиляков, персов, талышей). Такое противопоставление, принятое в зарубежной иранистике (см. [Расторгуева 1999б: 112]), представляется более верным.

ГЯ, как и другие прикаспийские языки (мазандеранский, талышский), имеет равнинную и горную разновидности. К первой относят диалекты городов: Решт (считается ведущим диалектом ГЯ), Лахиджан, Лангеруд, Дейлеман, Астара, Энзели, Рудбар, Рудбане, Рудсар, Сияхкал, Зиябар, Казиян [Kalbāsi 2009: 744]. Между МЯ и ГЯ отмечены промежуточные варианты: в Келадаште (район г. Чалуса) и в Тонекабоне. Оба этих района административно входят в состав провинции Мазандеран. Горные варианты МЯ и ГЯ называются *gāleši* (от слова *gāleš* 'пастух')². Значительное число разновидностей МЯ (в большей степени) и ГЯ (в несколько меньшей степени) находятся в опасности исчезновения.

В монографиях известных российских и советских авторов [Арендс 1941; Пейсиков 1959; Рубинчик 2001] была разработана стройная система описания персидского синтаксиса от уровня словосочетания до уровня сложного предложения. Параллельно и независимо синтаксис иранских языков разрабатывался как в самом Иране, так и за его пределами. Из работ, выполненных на персидском языке, отметим [Nātel Xānlari 1990; Meškāt-od-Dini 1995; Faršidvard 2003; Anvari, Ahmadi Givi 2010; Bāteni 2014; Afrāši 2015].

На английском языке широко известны работы [Karimi 2003; Karimi, Brame 2012]. Большое значение для разработки конкретного вопроса о падежах в ГЯ и МЯ имеют обобщения, накопленные в процессе исследований большого числа типологически разных языков и изложенные в коллективной монографии [Malchukov, Spencer 2008]. Поскольку близкородственные юго-западные иранские языки (персидский, таджикский и дари) являются литературными и государственными, они оказывают существенное влияние на остальные языки региона. Поэтому с некоторыми оговорками и ограничениями результаты, полученные в указанных исследованиях, могут быть применены к большинству других иранских языков. В данной работе мы рассматриваем только поверхностные падежи (глубинные падежи в иранских языках — это предмет отдельного исследования).

В XIX в. И. Н. Березин увидел в ГЯ двухпадежную систему (именительный и винительный падежи; последний назывался также косвенным падежом) [Beresine 1853: 59]. В той же книге тот же автор для МЯ вводит трехпадежную систему (именительный, косвенный, дательный) [Beresine 1853: 80].

¹ Сами жители этого поселка, носители местного наречия, которых осталось очень мало, называют язык, на котором разговаривают, гилякским. На момент написания статьи нам не удалось найти определений его генетических связей в иранской лингвистической литературе.

² Согласно точке зрения, высказанной в работе [Baxšzād Mahmudi 2006: 2], фирузкухи, сангесари, мазандеранский язык и шамерзади — это диалекты гилякского языка, в то время как по словам нашего информанта из Шахмирзада, сангесари для него непонятен, а мазандеранский — понятен.

Примерно 80 годами позже двухпадежная система Березина для ГЯ была пересмотрена, и другая, трехпадежная система (именительный, родительный, винительно-дательный) была введена в западной иранистике в 1930 г. [Christensen 1930: 78]. Тем самым А. Кристенсен унифицировал падежи для ГЯ и МЯ. С тех пор эта единая для двух языков система стала считаться общепринятой.

Позже российские иранисты приняли ее практически без изменений [Пахалина, Соколова 1957³; Расторгуева и др. 1971; Керимова, Расторгуева 1975; Керимова и др. 1980; Расторгуева, Эдельман 1982; Расторгуева 1999б; 1999в] и распространили ее на велатру и шамерзади. В нее вошли следующие падежи: именительный (с нулевым окончанием), родительный (с показателем *-e/-ə*) и винительно-дательный (маркируемый послелогом *-re/-a* ~ перс. *-rā*). Западноевропейские иранисты с незначительными вариациями в наименовании падежей придерживаются ее и в настоящее время⁴ [Lecoq 1989: 304, 306].

Если не считать работу иранского лингвиста М. Пурхади [Purhādi 2006], который вводит дополнительный (четвертый) падеж для личных местоимений в ГЯ⁵, последние 85 лет эта система не пересматривалась. При ближайшем ее рассмотрении, однако, читатель обнаруживает аномальные черты косвенных падежей (родительного и винительно-дательного) по сравнению с их аналогами в известных падежных системах. Этим особенностям падежей в МЯ и ГЯ и посвящено дальнейшее изложение.

Данная статья написана по результатам полевого исследования, которое проводилось в 2013—2014 гг. в северных прикаспийских провинциях Ирана (Гиляне, Мазандеране, Голестане, Семнани и остане Тегерана). Когда источник примеров не указан, они либо сконструированы авторами, если это касается персидского языка, либо получены от информантов, если это касается МЯ и ГЯ.

2. Изафетная конструкция и родительный падеж

Прежде чем приступить к анализу падежной системы в северо-западных МЯ и ГЯ, остановимся на общих положениях, в том числе установленных на хорошо изученных языках, таких как родственные юго-западные персидский, таджикский, дари. По определению, падежному маркированию при именной связи подвержено зависимое слово [Плунгян 2000: 162; Blake 2004: 1].

- (1) персидский
mīve-ye tāze
 фрукт-изф свежий
 ‘свежие фрукты’

Таким образом, например, персидский изафетный показатель *-e/-ye* в атрибутивном словосочетании (1) не является падежным окончанием, так как в словосочетании он оформляет

³ В данной работе именительный падеж называется прямой формой, винительно-дательный — объектной, а родительный — атрибутивной; причем только для мазандеранских существительных (без указания говоря или диалекта) вводятся две атрибутивные формы: принадлежностная и качественная [Пахалина, Соколова 1957: 82]. Последние две формы различаются только конечным гласным: */e/ ↔ /ɛ/*. Как было показано в работе [Иванов 2014], в известных нам разновидностях мазандеранского языка есть только один *e*-образный гласный (фонемы */ɛ/* нет). Таким образом, существование двух разновидностей так называемой атрибутивной формы на нашем материале не подтвердилось.

⁴ П. Лекок именительный падеж называет прямым, винительно-дательный — просто винительным, а наряду с родительным употребляет термин «посессивный».

⁵ В принципе, такой подход возможен, ср. мнение А. А. Зализняка [2002: 622]: «По своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов».

стоящее первым вершинное слово *mīve* ‘фрукт’, а не следующее за ним зависимое слово *tāze* ‘свежий’. Такой порядок следования вершинного и зависимого слов мы будем называть **прямым** изафетом.

Реже встречаются случаи, когда первым в персидском изафетном словосочетании стоит определяющее (зависимое) слово [Пейсиков 1959: 93]. Такой порядок следования зависимого и вершинного слов мы будем называть **обратным** изафетом:

- (2) ПЕРСИДСКИЙ
tak-e deraxt-hā
 один-IZF дерево-PL
 ‘одиночные деревья’

Некоторые из таких случаев можно объединить в модели, в которых первый элемент:
 а) имеет значение ‘весь, целый’ (3); б) является прилагательным в превосходной степени с партитивным значением ‘наиболее примечательный из следующих предметов’ (4)⁶; в) является порядковым числительным в датах вследствие усечения стоявшего перед ним слова *rūz* ‘день’ (5—7):

- (3) ПЕРСИДСКИЙ
jomle-ye kārgar-ān
 весь-IZF рабочий-PL
 ‘все рабочие’
- (4) *zibā-tarin-e šahr-hā*
 красивый-SPRL-IZF город-PL
 ‘красивейший из городов’
- (5) *sevvom-e āzar*
 третий-IZF азар
 ‘третьего азара’
- (6) ТАДЖИКСКИЙ
тамом-и умр
 весь-IZF жизнь
 ‘вся жизнь’
- (7) ДАРИ
‘otum-e xalq
 весь-IZF народ
 ‘весь народ’

См. также примеры Л. С. Пейсикова [1959: 18, 93]:

- (8) ПЕРСИДСКИЙ⁷
sāyer-e kešvar-hā
 остальной-IZF страна-PL
 ‘остальные страны’

⁶ Современные носители персидского языка предпочитают не употреблять этот тип изафетной конструкции, передавая ее описательными методами. Например, вместо (4) скажут:

- (i) *yek-i az zibā-tarin šahr-hā*
 один-ART из красивый-SPRL город-PL
 ‘один из красивейших городов’

⁷ Далее для сокращения изложения в качестве примеров юго-западных структур берутся только персидские словосочетания. Словосочетания в таджикском и дари с точки зрения синтаксиса принципиально не отличаются и имеют лишь частные фонетические и узуальные отличия.

Изафетная конструкция в примере (8) существует и в ГЯ при той же последовательности элементов (см. ниже).

В приведенных примерах изафетный показатель оформляет зависимое слово, что может быть диагностировано опущением одного из элементов конструкции в предложении. Зависимое слово может быть опущено без нарушений в синтаксисе предложения, а главное слово не может (процедура описана в работе [Тестелец 2001: 87]). В примере (9а) представлено предложение с полным словосочетанием, в (9б) — предложение с усеченным первым элементом изафетного словосочетания, в (9в) — предложение с усеченным вторым элементом изафетного словосочетания:

(9) ПЕРСИДСКИЙ

- а. *sāyer-e* *kešvar-hā=rā* *nām* *bord*
 остальной-IZF страна-PL=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

‘(Он) перечислил остальные страны’.

- б. *kešvar-hā=rā* *nām* *bord*
 страна-PL=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

‘(Он) перечислил страны’.

- в. **sāyer=rā* *nām* *bord*
 остальной=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

Ожидаемая интерпретация: ‘(Он) перечислил остальной’.

Поскольку предложение со вторым усеченным членом нарушает строй языка, мы заключаем, что в данном случае первый элемент изафетного словосочетания определяет второй, а не наоборот, то есть здесь мы наблюдаем случай изафетной связи, но зависимостного маркирования. Другими словами, здесь изафетный показатель оформляет распространяющее слово (характер этого оформления уточняется ниже).

Если же описанную процедуру (9) применить к обычному изафетному словосочетанию, то подтверждается зависимость второго элемента, например: предложение с полным словосочетанием (10а), предложение с усеченным первым элементом изафетного словосочетания (10б), предложение с усеченным вторым элементом изафетного словосочетания (10в).

(10) ПЕРСИДСКИЙ

- а. *mīve-ye* *tāze=rā* *xarid*
 фрукт-IZF свежий=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

‘(Он) купил свежие фрукты’.

- б. **tāze=rā* *xarid*
 свежий=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

Ожидаемая интерпретация: ‘(Он) купил свежий’.

- в. *mīve=rā* *xarid*
 фрукт=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

‘(Он) купил фрукты’.

В примере (10) усечение первого элемента (*mīve* ‘фрукт’) приводит к аграмматизму, значит, он является главным в словосочетании, то есть здесь мы имеем дело с изафетной связью и вершинным маркированием.

В разобранных выше примерах (2—9) на зависимостное маркирование в изафетном словосочетании в иранских языках юго-западной подгруппы можно было бы назвать форму *sāyer-e* (остальной-IZF) падежом (например, сопряженным). Однако этого не делают, чтобы сохранить системность терминологии для вершинного и зависимостного маркирования в изафетном словосочетании. Иными словами, независимо от того, каков порядок слов

в изафетном словосочетании — прямой или обратный, в юго-западных языках его с категорией падежа не связывают⁸.

Если мы имеем дело с зависимостным маркированием, то встает вопрос, изафет ли это? Однако в отношении иранских языков, где изафетная конструкция держится на узкоспециализированном изафетном показателе *-ə / -e / -i*, который иных функций в языке не имеет, ответ на него можно признать утвердительным.

Более того, в персидском разговорном языке возможны случаи, когда оба соединенных изафетным показателем слова семантически равны с точки зрения главенства и второстепенности. К ним относится «разговорная» превосходная степень (intensive reduplication, в персидской терминологии — *ta'kid* «подчеркивание») [Ghaniabadi et al. 2006: 6; Khajian, Alinezhad 2010: 172]), которая формально представляет собой изафетную редупликацию [Иванов 2015: 229]: *sangin-e sangin* ‘тяжеленный (тяжелее некуда)’, *šoluq-e šoluq* ‘многолюдный (битком набитый)’, *xalvat-e xalvat* ‘безлюдный (хоть шаром покати)’. В литературном языке такая конструкция неупотребительна и поэтому, как правило, в грамматиках не описывается.

Для иранских языков можно дать такое определение: изафет — это конструкция, где два слова скреплены изафетным показателем (независимо от их главенства по отношению друг к другу и порядка следования вершины и зависимого слова)⁹. Фонетически он всегда прикрепляется к первому слову (образует с ним единое фонетическое слово), а синтаксически в равной степени относится к обоим словам [Пейсиков 1959: 20]. Аналогичные свойства были обнаружены у клитик и у так называемых фразовых аффиксов в других языках [Anderson 2005: 10].

Вопрос о том, что есть изафетный показатель в юго-западных иранских языках, в последние годы вновь стал широко дискутироваться (см. обзор в [Samvelian 2007]). В результате сравнения различных аргументаций и тестирования гипотез довольно убедительно предлагается считать персидский изафетный показатель фразовым аффиксом (phrasal affix), а не внутрисловным аффиксом (флексией), с одной стороны, и не клитикой (bound word), с другой стороны¹⁰. Основанием для этого является свойство персидского изафетного маркера оформлять словосочетания [Samvelian 2007: 631]. Как будет показано ниже, этим же свойством обладает изафетный показатель в МЯ и ГЯ, который традиционно представляют как показатель родительного падежа.

В МЯ и ГЯ отечественные иранисты выделяли родительный падеж начиная с 1957 г. [Пахалия, Соколова 1957]. Два года спустя Л. С. Пейсиковым [1959] была предложена новая теория персидского словосочетания, однако на иранистов, продолживших описание МЯ

⁸ В работе [Арендс 1941: 51—55] делалась попытка ввести родительный падеж для немаркированных зависимых слов в персидском языке по чисто семантическому признаку. Под эту категорию подводились элементы не только изафетных, но и предложных словосочетаний. Данный подход не соответствует тем идеям, которые изложены в основополагающих исследованиях [Плунгян 2000; Blake 2004; Malchukov, Spencer 2008], и в дальнейших работах поддержки не получил. Из текста работы [Windfuhr 1990] следует, что и классический, и современный персидский относятся к беспадечным языкам, но в обобщающей таблице к маркерам родительного падежа причисляются изафетные показатели. Судя по введению к статье Г. Виндфура, в таблицу были сведены падежи, выделяемые по трем признакам: морфологическому, синтаксическому и семантическому; родительный падеж в таблицу так же, как и в работу [Арендс 1941], мог быть привлечен по чисто семантическому признаку.

⁹ Такой же подход используется при разработке автоматических анализаторов персидского текста [Nourian et al. 2015: 2].

¹⁰ Для того чтобы считаться клитикой, изафетный показатель должен соответствовать координационному критерию Миллера. Однако в отличие от местоименных энклитик и артикля он ему не соответствует [Samvelian 2007: 631]. Ср. позицию Л. С. Пейсикова [1975], который еще в 70-х гг. в устных докладах представлял персидский изафетный показатель как «синтаксическую частицу», которая в процессе грамматикализации, с одной стороны, уже перестала быть служебным словом, но, с другой стороны, еще не превратилась в словоизменительный аффикс.

и ГЯ, этот подход Пейсикова влияния не оказал, и общее направление в теории не изменилось. В последующих работах по-прежнему встречается интерпретация маркированного изафетным показателем слова как формы родительного падежа [Расторгуева и др. 1971: 65; Керимова, Расторгуева 1975: 192—195; Расторгуева, Эдельман 1982: 503; Расторгуева 1999б: 117; 1999в: 129—130].

Рассмотрим более подробно возможность трактовать традиционно вводимые формы родительного падежа как обратный изафет¹¹ и сравним их с прямым (персидским) изафетом.

(11) а. МЯ [Šokri 1995: 133]

<i>Hosayn-e</i>	<i>ketāb</i>	
Хусейн-GEN	книга.NOM ¹²	(традиционная интерпретация)
Хусейн-IZF	книга	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>ketāb-e</i>	<i>Hoseyn</i>
книга-IZF	Хусейн
‘книга Хусейна’	

В мазандеранском примере (11) мы видим определение по принадлежности (Хусейн-GEN в традиционной интерпретации выступает в роли посессора). Согласно традиционным описаниям главное слово здесь стоит в именительном падеже с нулевой флексией, а распространяющее (зависимое) — в родительном (с показателем родительного падежа). Традиционная падежная трактовка здесь в принципе возможна, однако в тех случаях, когда одна из граммем показывает зависимость от послелого, а другая может оформлять лишь посессивное отношение, представляется разумным не выделять категории падежа [Аркадьев 2006: 21—22]. Изафетная трактовка этого случая также возможна: здесь мы имеем дело с обратным изафетом, когда зависимое слово оказывается перед главным.

(12) а. МЯ [Расторгуева 1999в: 130]

<i>serx-e</i>	<i>jeme</i> ¹³	
красный-GEN	рубашка.NOM	(традиционная интерпретация)
красный-IZF	рубашка	(предлагаемая интерпретация)
‘красная рубашка’		

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>jāme-ye</i>	<i>sorx</i>
одежда-IZF	красный
‘красная одежда’	

В примере на атрибутивное словосочетание (12) традиционная падежная трактовка (красный-GEN рубашка.NOM) вызывает по меньшей мере два замечания:

а) у прилагательного в МЯ и ГЯ не отмечена категория падежа, то есть форма родительного падежа прилагательного в атрибутивном словосочетании оказывается вне системы;

¹¹ По отношению к прикаспийским языкам эта конструкция также называется обратным изафетом, а не родительным падежом в работе [Boṛjān 2013: 203].

¹² В цитируемых нами примерах из работ по МЯ и ГЯ глоссирование, как правило, отсутствует; в этих примерах глоссирование наше.

¹³ В работе [Иванов 2014] было показано отсутствие гласного /ε/ в МЯ (по крайней мере, в западных, центральных говорах и в говоре г. Баболя) и был выявлен гласный шва /ə/. В целом, составленные ранее лингвистами-носителями МЯ описания мазандеранского вокализма свидетельствуют о том же [Humand 2003: 21; Šokri 2005: 9; Āqā Gol-zāde 2007: 334]. В некоторых говорах шва /ə/ отсутствует [Za’ferānlu Kāmbuzyā, Esfāndyāri 2005; Deyhim 2005], но везде есть гласный /ε/. Поэтому в примерах [Расторгуева 1999в: 127] мы заменяем /ε/ на /e/. Наличие гласного /ε/ в восточных говорах МЯ отмечено в работе [Boṛjiyān 2004].

б) отсутствует падежное согласование прилагательного: определение оказывается в родительном падеже, а определяемое — в именительном¹⁴.

Изафетная трактовка того же примера (12) не требует дополнительной аргументации. Оба примера (11—12) возможны в изафетной трактовке и одинаково изоморфны персидской модели.

Если признать категорию падежа у прилагательного, традиционная трактовка избавилась бы от первого из возражений. Тогда у прилагательного была бы двухпадежная система (именительный и родительный) и трехпадежная — у существительного (именительный, родительный, винительно-дательный). Однако, на наш взгляд, более экономной будет изафетная интерпретация рассматриваемых словосочетаний. Лингвистически грамотные носители языка ГЯ и МЯ воспринимают показатель при распространяющих словах как изафет [Šokri 1995: 80].

Те же типы словосочетаний (посессивное и атрибутивное) в ГЯ выглядят следующим образом:

- (13) а. ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 209]

<i>Mohsən-ə</i>	<i>bərar</i>	
Мохсен-GEN	брат.NOM	(традиционная интерпретация)
Мохсен-IZF	брат	(предлагаемая интерпретация)

- б. ПЕРСИДСКИЙ

barādar-e Mohsen
 брат-IZF Мохсен
 ‘брат Мохсена’

- (14) а. ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 506]

<i>rāst-ə</i>	<i>gəb</i>	
правдивый-GEN	слово.NOM	(традиционная интерпретация)
правдивый-IZF	слово	(предлагаемая интерпретация)

- б. ПЕРСИДСКИЙ

harf-e rāst
 слово-IZF правдивый
 ‘правдивое слово’

К двум последним гияльским примерам (13—14) полностью применимы комментарии, сделанные ранее в отношении мазандеранской грамматики.

Помимо обратной изафетной конструкции в гияльском языке находим также прямые изафетные конструкции, заимствованные в виде модели из персидского. Количественные подсчеты подобных прямых изафетных конструкций нам неизвестны и не проводились в рамках нашего исследования, но, по словам наших информантов, таких конструкций очень много. В частности, сюда относятся все составные термины, реалии, топонимы, например:

(15) а. ГЯ	б. ПЕРСИДСКИЙ
<i>xalij-ə Fārs</i>	<i>xalij-e Fārs</i>
залив-IZF Фарс	Залив-IZF Фарс
‘Персидский залив’	

Носители прикаспийских языков подобные персидские прямые изафетные конструкции используют в своей речи, не меняя линейного порядка словоформ.

¹⁴ То есть не соответствует понятию адъективного падежа у прилагательного, который является согласовательной категорией [Мельчук 1998: 325], что, в свою очередь, не позволяет считать этот случай граммемой падежа, принадлежащей к ядру поверхностно-синтаксической системы языка [Мельчук 1998: 326]. В древних иранских языках такая категория была свойственна предку изафетного показателя — относительному местоимению, вводившему придаточные определительные предложения [Haider, Zwanziger 1981: 143—144, 148], однако она была утрачена уже к среднему состоянию.

(16) а. ГЯ

<i>fikr-ə</i>	<i>Məryəm</i>	
мысль-GEN	Марьям.NOM	(традиционная интерпретация)
мысль-IZF	Марьям	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>fekr-e</i>	<i>Maryam</i>
мысль-IZF	Марьям

‘мысль Марьям’ (или ‘мысль о Марьям’)

В примере (16) в обоих эквивалентах (гилякском и персидском) изафетное словосочетание начинается с вершины, маркированной изафетным показателем, и заканчивается зависимым элементом. Несмотря на то, что в этом примере мы имеем дело с явным случаем вершинного маркирования, авторы гилякской грамматики считают его родительным падежом [Расторгуева и др. 1971: 28].

Таким образом, с точки зрения синхронного анализа в обеих подгруппах языков (юго-западных, с одной стороны, и МЯ и ГЯ, с другой стороны) в различных соотношениях встречаются прямые (с вершинным маркированием) и обратные (с зависимостным маркированием) изафетные конструкции. К настоящему времени независимо от типа маркирования сложилась традиция описания юго-западных иранских языков как беспадежных (с изафетной конструкцией), а МЯ и ГЯ — как имеющих родительный падеж.

В качестве подхода к различению падежной формы и сопряженного состояния (то есть показатель того, что данное слово связано с последующим) можно предложить следующую процедуру. Падежная форма (возможно, с относящимися к ней незнаменательными частями речи) может образовывать самостоятельные высказывания (пусть и усеченные), а сопряженная (изафетная) форма не может по определению. Возьмем в качестве отправной точки заведомые падежные формы родительного падежа, например: русск. *его* или нем. *eines Tages* (род. п.) ‘однажды’. Они имеют самостоятельное употребление: *Чей это мяч? — Его; Wann war das? — Eines Tages* ‘Когда это было? — Однажды’.

В юго-западных языках вершинная часть изафетного словосочетания с маркером *-e / -ye* не может образовывать самостоятельного высказывания и, согласно предложенному критерию, не может считаться падежной формой. Так, не имеют смысла фрагменты: перс. *miz-e* (стол-IZF) из словосочетания, к примеру, *miz-e mā* ‘наш стол’, перс. *divār-e* (стена-IZF) из *divār-e sefid* ‘белая стена’. Аналогично в северо-западных языках не имеют смысла и отдельно не употребляются зависимые словоформы с маркером *-ə / -e* типа МЯ *vešun-e* из *vešun-e sere* ‘их дом’, ГЯ *šim-ə* из *šim-ə xane* ‘ваш дом’. Их нельзя использовать в диалоге даже в эллиптической форме. В то же время в традиционных грамматиках их приводят в таблицах как отдельные слова, как формы родительного падежа [Расторгуева, Эдельман 1982: 509].

Наши информанты, во-первых, говорят, что такие образования не будут поняты носителями языка, а во-вторых, сами не могут произнести их с нефинальным ударением. Фонология МЯ и ГЯ требует, чтобы при раздельном произнесении подобных квазислов (в виде отдельного высказывания) ударение сдвигалось на последний слог. Таким образом, не следует считать падежными формами те образования, которые не могут образовывать самостоятельные высказывания (о требовании, чтобы падеж мог употребляться независимо в функции цитации см. также в работах [Аркадьев 2006: 21; Blake 2004: 9]).

Существуют также различия в трактовке происхождения маркеров. Юго-западный изафетный показатель возводят к др.-перс. *hуа* ‘который’ (в прямом падеже) и *тауа* ‘которого, которому’ (в косвенных падежах) [Ефимов и др. 1982: 111]¹⁵. Они вводили придаточные

¹⁵ В западной иранистике в последние десятилетия распространилась фонетическая реконструкция др.-перс. *hу* ‘который’ как *haya* (см., например, [Schmitt 1989: 75—76]). Такая трактовка считается сомнительной в отечественных работах [Соколов 1979: 253; Расторгуева, Эдельман 2007:

определяющие предложения и ставились после определяемого слова [Пейсиков 1959: 45]. В то же время прикаспийский показатель родительного падежа возводят к морфеме, восходящей к древнеиранскому форманту род. п. ед. ч. **-huyā* [Расторгуева, Эдельман 1982: 505]. Следует обратить внимание на то, что реконструированный формант род. п. ед. ч. **-huyā* весьма схож по звучанию с др.-перс. предком изафета *huya* ‘который’. Тем не менее традиционная теория полагает, что прямой изафет (как в юго-западных иранских языках) имеет одно происхождение, а обратный (как в прикаспийских) — другое.

Более системной, однако, представляется гипотеза о том, что оба изафета имеют одно происхождение. Прикаспийский изафетный маркер *-e/-ə* восходит к древнему относительному местоимению, которое в «Авесте» зафиксировано как *huya-* м. р. ‘который’ и *huya* ж. р. ‘которая’ [Расторгуева, Эдельман 2007: 300] (могло встречаться также в виде *yā/ya/yaq/hyaq*). Оно уже в этом памятнике употреблялось «в ослабленном значении изафета» [Соколов 1979: 188], см. также [Haider, Zwanziger 1981: 152].

К нему же восходит и юго-западный изафетный показатель *-e/-i* (см. выше). Все эти показатели могли связывать прилагательные с существительными, которые могли стоять в любом порядке, например *лучник, который высокий* ↔ *высокий, который лучник*. После устранения остаточной предикативности эта конструкция в юго-западных языках дала прямой изафет с порядком слов «сущ. + прил.» (*лучник высокий*), а в прикаспийских — обратное изафетное словосочетание по модели «прил. + сущ.» (*высокий лучник*).

В средний период развития иранских языков (например, в среднеперсидском, который является предком современных юго-западных иранских языков) эти связующие слова стали восходить до *ī*, что в современном персидском и дари дало изафетный показатель *-e* (подобно прикаспийским языкам), а в таджикском — *-i*. Они стали фразовыми аффиксами, утратили способность употребляться как самостоятельное слово и вводить придаточное предложение.

Таков предлагаемый общий подход к замене родительного падежа на изафетную связь в описательной грамматике МЯ и ГЯ. Рассмотрим теперь особые случаи.

В юго-западных языках функционируют изафетные **предлоги** — бывшие имена, которые утратили свое предметное лексическое значение и употребляются как незначащие части речи для указания пространственных, временных, причинно-следственных отношений и для связи слов в словосочетании. Но, несмотря на десемантизацию, формально они продолжают оставаться вершиной (первым словом) в изафетной конструкции, так как к ним присоединяется изафетный показатель и их усечение приводит к аграмматизму.

Поскольку северо-западная структура именной группы является зеркальным отражением юго-западной, в описательной грамматике МЯ и ГЯ появляются изафетные **послелог**и, которые становятся вершиной (вторым словом) в изафетной конструкции:

(17) а. ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>utāq-ə</i>	<i>darun</i>	
комната-GEN	внутри	(традиционная интерпретация)
комната-IZF	внутри	(предлагаемая интерпретация)
‘в комнате’		

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>darun-e</i>	<i>otāq</i> ¹⁶	
внутри-IZF	комната	
‘внутри комнаты’		

299—301]. В последней более вероятным полагается произношение *h(i)ja-* в м. р. и *hiyā* в ж. р., так как оно не противоречит их последующему отражению в средне- и новоперсидском языках. Отметим, что фонетически в естественных (не экспериментальных) условиях неслоговое [i] неотличимо от согласного [y], то есть *hja* = *hya*.

¹⁶ В персидском языке такое сочетание возможно, но не употребительно. Приведено для максимальной близости к соответствующему гилякскому выражению.

(18) а. МЯ [Šokri 1995: 132]

<i>miz-e</i>	<i>sar</i>	
стол-GEN	на	(традиционная интерпретация)
стол-IZF	на	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>sar-e</i>	<i>miz</i>	
на-IZF	стол	
‘на столе’		

С традиционной точки зрения в примерах (17—18) у существительного перед послелогом постулируется форма родительного падежа [Расторгуева, Эдельман 1982: 504].

В примере (19) изафетный показатель в виде отдельного гласного не реализуется, так как поглощается гласным исхода предыдущего слова [Šokri 1995: 74], что встречается и в юго-западных иранских языках, например в персидской разговорной речи.

(19) МЯ [Šokri 1995: 72]

<i>in</i>	<i>se=tā</i>	<i>se</i>	<i>me</i>	<i>berār-ā</i>	<i>sere=jem</i>	<i>biy-āmu</i>
этот	три=штука	яблоко	я.GEN	брат-PL[GEN]	дом[GEN]=из	там-приходить.PST.3SG
						(традиционная интерпретация)
этот	три=штука	яблоко	мой	брат-PL[IZF]	дом[IZF]=из	там-приходить.PST.3SG
						(предлагаемая интерпретация)

‘Эти три яблока принесены из дома моих братьев’ (букв. ‘Эти три яблока пришли из дома моих братьев’).

На наш взгляд, большой натяжкой выглядит постулирование родительного падежа для именных групп — сочетаний нескольких слов, связанных разными видами синтаксической связи, которые оформляются одним показателем [Расторгуева, Эдельман 1982: 504—505]:

(20) а. МЯ [Šokri 1995: 74]

<i>attā</i>	<i>qešang=o</i>	<i>tamiz-e</i>	<i>kijā</i>
[один	красивый.NOM=и	чистый.NOM]-GEN	девушка
один	красивый=и	чистый-IZF	девушка
			(традиционная интерпретация)
			(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>yek</i>	<i>doxtar-e</i>	<i>qašang=o</i>	<i>tamiz</i>
один	девушка-IZF	красивый=и	чистый
‘одна опрятная и красивая девушка’			

В то же время для изафетной конструкции гипотеза о совокупном оформлении не требуется (см. рассуждения Л. С. Пейсикова [1959: 100] о распространении открытых изафетных словосочетаний). Оформление именной группы с однородными прилагательными по юго-западному типу показано в примере (20б).

В некоторых работах, посвященных МЯ и ГЯ, падежи постулируются для личных местоимений [Расторгуева, Эдельман 1982: 508; Расторгуева 1999б: 120; Расторгуева 1999в: 132]. Гилянский лингвист М. Пурхади, очевидно, в продолжение этой тенденции выделяет для местоимений в ГЯ четыре падежа: один прямой, два косвенных и один изафетный [Purhādī 2006: 96]; цитируется по [Sabz'alipur 2013: 207]. Однако, как говорилось выше, реликтовые формы личных местоимений не показательны для выделения категории падежа в том или ином языке.

Итак, мы приходим к выводу, что изафетный маркер *-e/-ā* можно рассматривать не как показатель родительного падежа, а как универсальный маркер сопряженного состояния имен в юго-западных и северо-западных иранских языках (фразовый аффикс). Он связывает между собой любые имена, будь то существительные, прилагательные, местоимения, числительные, изафетные предлоги / послелого и/или именные группы. Различаются юго-западные и северо-западные изафетные конструкции только порядком главного

и распространяющего слова. Весьма полезной представляется гипотеза Л. С. Пейсикова о том, что, хотя изафетный маркер фонетически присоединяется к первому члену изафетного словосочетания, синтаксически он относится в равной степени к обоим его членам.

3. Винительно-дательный падеж и послелог *-re / -a*

Согласно традиционному подходу в ГЯ и МЯ функционирует винительно-дательный падеж, который маркируется показателями *-re / -rā / -ā / -a / -ε < -a < *-ra < *-rā < *-rādiy* ‘для, ради’ [Керимова, Расторгуева 1975: 193; Расторгуева, Эдельман 1982: 503; Расторгуева 1999в: 129; Расторгуева 1999б: 117, 120]. Далее в этом разделе мы будем для краткости обозначать этот послелог его наиболее представительными звучаниями *-re / -a*. Одна из его основных функций (как в юго-западных, так и в северо-западных языках) — обозначение выделенности прямого объекта [Мельчук 1998: 145].

Из двух составляющих описываемого падежа — аккузативной и дативной — первая выглядит бесспорной, так как маркер *-re / -a* (SPEC.DIR.OBJ) регулярно ставится при прямом объекте:

(21) МЯ [Šokri 1995: 134]

<i>ve=re</i>	<i>badi-me</i>	
он-ACC.DAT	видеть.PST-1SG	(традиционная интерпретация)
он=SPEC.DIR.OBJ	видеть.PST-1SG	(предлагаемая интерпретация)
‘(Я) его видел’.		

(22) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>sətavər=a</i>	<i>āteš</i>	<i>bukun</i>	
самовар-ACC.DAT	огонь	делать.IMP.2SG	(традиционная интерпретация)
самовар=SPEC.DIR.OBJ	огонь	делать.IMP.2SG	(предлагаемая интерпретация)
‘Разожги самовар’.			

В то же время вторая составляющая (дативная) в приводимых описаниях недостаточно аргументирована и требует, по крайней мере, дополнительного обоснования. К ней приписывают, например, словоформу из следующего предложения:

(23) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>Mohsən=a</i>	<i>bugoftəm</i>	
Мохсен-ACC.DAT	сказать.PST.1SG	(традиционная интерпретация)
Мохсен=SPEC.DIR.OBJ	сказать.PST.1SG	(предлагаемая интерпретация)
‘(Я) сказал Мохсену’ (букв. ‘(Я) сказал Мохсена’).		

При этом не учитывается, что дательный падеж возникает только в переводе этого предложения на русский язык, а сам гилякский глагол *gufɬən* ‘сказать’ для указания адресата требует прямого дополнения. Такое же управление находим и у мазандеранского глагола *bāuten* ‘сказать’:

(24) МЯ [Šokri 1995: 137]

<i>me=re</i>	<i>gon-i</i>	
я.GEN-ACC.DAT	сказать.PRS-2SG	(традиционная интерпретация)
меня=SPEC.DIR.OBJ	сказать.PRS-2SG	(предлагаемая интерпретация)
‘Говоришь мне’ (букв. ‘Говоришь меня’).		

Подавляющее большинство остальных традиционных примеров на дативную составляющую винительно-дательного падежа в МЯ и ГЯ по этой же причине нельзя считать обоснованными.

(25) ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 71]

<i>an-ə</i>	<i>jul-an</i>	<i>təxməl=a</i>	<i>man-e</i>	
он-GEN	щека-PL	бархат-ACC.DAT	напоминать.PRS-3SG	(традиционная интерпретация)
он-IZF	щека-PL	бархат=SPEC.DIR.OBJ	напоминать.PRS-3SG	(предлагаемая интерпретация)
‘Ее щеки напоминают бархат’ (традиционный перевод ‘Ее щеки похожи на бархат’).				

В примере (25) авторы работы [Расторгуева и др. 1971] в форме *taxmāl=a* (бархат=СПЕС. DIR.OBJ) ‘бархат’ (возможно, под влиянием русского и персидского переводов) видят при глаголе *manāstān* ‘напоминать’ косвенное дополнение. Косвенный статус дополнения при этом внутриязыковой диагностикой нигде не аргументируется. Обсуждение этого случая с нашим лингвистически подготовленным информантом-носителем гилякского языка показало, что глагол *manāstān* употребляется с прямым объектом. Поэтому мы рассматриваем этот и подобные ему случаи как использование прямого дополнения. Очевидно, опираясь на аналогичные аргументы П. Лекок называет винительно-дательный падеж в ГЯ и МЯ просто винительным [Lecoq 1989: 304, 306].

Функционирование послелога *-re/-a*, который традиционно полагается флексией винительно-дательного падежа, относится к тому ряду случаев, когда морфему предпочтительнее рассматривать не как падежный показатель, а как маркер прямого объекта [Blake 2008: 25]. В отличие от других послелогов (см. ниже) у послелога *-re/-a* обнаруживается свойство прикрепления к основе непосредственно, без изафетного соединителя, то есть *-re/-a* изафетным послелогом не является.

В ГЯ и МЯ так же, как и в юго-западных языках, послелог *-re/-a* маркирует не всякий прямой объект, а только выделенный (21). После невыделенного прямого объекта (как в примере (26), то есть после обозначения категории) он не ставится:

(26) МЯ [Šokri 1995: 138]

<i>gol</i>	<i>činde-mbe</i>	
цветок.NOM	срывать.PRS-1SG	(традиционная интерпретация)
цветок	срывать.PRS-1SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Рву цветы’ (букв. ‘Срываю цветок’).

Помимо обозначения выделенного прямого объекта послелог *-re/-a* может употребляться еще в функциях обозначения: а) реципиента, б) экспериенцера, в) направления или места. Поскольку соответствующий ему послелог *-rā* в средне- и новоперсидском языке также употреблялся для обозначения реципиента или посессора и только в современном состоянии утратил это значение, можно предположить, что это заимствование из более престижного языка, которое сохранилось в языке-реципиенте, но уже утрачено языком-донором.

(27) МЯ (г. Баболь, ср. другой фонетический вариант в [Расторгуева 1999в: 129])

<i>men</i>	<i>in</i>	<i>ketāb=re</i>	<i>hedo-me</i>	<i>še</i>	<i>zenā=re</i>	
я.NOM	этот	книга-ACC.DAT	дать.PST-1SG	свой	жена-ACC.DAT	(традиционная интерпретация)
я	этот	книга=СПЕС.DIR.OBJ	дать.PST-1SG	свой	жена=СПЕС.DIR.OBJ	(предлагаемая интерпретация)

‘Я дал эту книгу своей жене’.

В примере (27) первый послелог *=re* оформляет прямой объект. Второй послелог оформляет реципиента: *Кому передана книга? — Жене (zenā=re)*.

Пример экспериенцера в ГЯ (28):

(28) ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 71]

<i>Mohsən=a</i>	<i>xeŷli</i>	<i>xiš</i>	<i>bamo</i>	
Мохсен-ACC.DAT	очень	хорошо	прийти.PST.3SG	(традиционная интерпретация)
Мохсен=СПЕС.DIR.OBJ	очень	хорошо	прийти.PST.3SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Мохсену очень понравилось’.

Примечательно, что в аналогичной примеру (27) конструкции (27') Д. Сило [Stilo 2008: 707] также описывает послелог в понятиях показателя объекта и реципиента, а не показателя падежной формы (он использует обозначение =RA вместо =СПЕС.DIR.OBJ).

(27') ГЯ [Stilo 2008: 707]

<i>mən</i>	<i>dastan=a</i>	<i>Həsən=a</i>	<i>bu-guft-əm</i>	
я	рассказ-ACC.DAT	Хасан-ACC.DAT	там-сказать.PST-1SG	(традиционная интерпретация)
я	рассказ=RA	Хасан=RA	там-сказать. PST-1SG	(интерпретация Стило)

‘Я рассказал Хасану историю’.

В примере (29) послелог *-re / -a* маркирует иллатив, который указывает на цель движения. Эта конструкция (29а) весьма схожа с соответствующей азербайджанской (29б).

(29) а. ГЯ

<i>Hüseyn</i>	<i>Rašt-ə=ja</i>	<i>Tehrān=a</i>	<i>bušo</i>
Хусейн	Решт-IZF=из	Тегеран=SPEC.DIR.OBJ	идти.PST.3SG

б. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

<i>Hüseyn</i>	<i>Rəšt-dən</i>	<i>Tehran-a</i>	<i>getdi</i>
Хусейн	Решт-AVL	Тегеран-ILL	идти.PST.3SG

‘Хусейн из Решта уехал в Тегеран’.

Полное азербайджано-гилякское совпадение звучания, морфологии и семантики грамматического показателя *-a* в формах типа *Tehran-a* ‘в Тегеран’ не является случайным. Скорее всего, гилякский показатель прямого дополнения *-re / -a* приобрел дополнительное значение направления под влиянием соответствующей тюркской морфемы. Это нематериальное заимствование (не MAT(ter)-заимствование) при языковых контактах можно рассматривать как пример PAT(tern)-заимствования [Matras 2007: 32], либо как копирование кода [Johanson 1999: 39]. Ранее в иранистике нематериальные иноязычные влияния интерпретировались как семантические кальки [Пейсиков 1975: 58]. В определенном смысле это верно и по отношению к рассматриваемому случаю, необходимо только уточнить, что здесь мы имеем дело с грамматической семантикой. О функционировании азербайджанских заимствований в ГЯ см. также [Расторгуева и др. 1971: 38].

Как было сказано выше в разделе о родительном падеже, прямые изафетные конструкции по персидскому образцу широко употребляются в ГЯ и МЯ, и носители языка используют их в своей речи, не меняя линейного порядка частей конструкции:

(30) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 505]

<i>hato=ki</i>	<i>juloxānə</i>	<i>məsjəd-ə</i>	<i>šāh=a</i>	<i>farəs-ə...</i>
когда=что	[фасад.GEN	мечеть-GEN	шах]-ACC.DAT	достигать.PST-3SG
				(традиционная интерпретация)
когда=что	фасад.IZF	мечеть-IZF	шах=SPEC.DIR.OBJ	достигать.PST-3SG
				(предлагаемая интерпретация)

‘Когда он подошел к фасаду мечети шаха...’

По примеру (30) видно, что послелог *-re / -a* синтаксически относится к первому члену изафетной конструкции и отделен от него двумя знаменательными частями речи. При этом он образует одно фонетическое слово с последним членом изафетного словосочетания. Точно так же он употребляется и в юго-западных языках. При желании конструкцию с этим послелогом можно было бы считать аналитическим падежом слова *juloxānə* ‘фасад’ (об аналитических падежах в индоиранских языках см. [Аркадьев 2006: 204, 206—207]). Это больше соответствовало бы современной падежной теории [Blake 2004: 9]. Однако авторы традиционных грамматик ГЯ и МЯ считают описываемую конструкцию винительным падежом словосочетания [Расторгуева, Эдельман 1982: 504—505], что приводит к необходимости дальнейшего усложнения грамматики и введения категории падежа для словосочетания. В то же время при описании юго-западных языков тот же послелог с весьма сходными характеристиками падежным маркером не считают, а грамматика именных частей речи полагается беспадежной.

Итак, на основании изложенного мы приходим к выводу, что, хотя теоретически можно считать послелог *-re / -a* в МЯ и ГЯ падежным показателем, образующим аналитическую форму слова, 1) на данный момент не существует логически непротиворечивой разработки такой грамматики; 2) падежная интерпретация без нужды усложняет грамматику; 3) беспадежная грамматика оказывается более простой, эффективной и правильной; 4) беспадежная грамматика позволяет во многом унифицировать описание северо- и юго-западных языков.

4. Прочие послелоги и падежи

В соответствии с положениями работы [Šokri 1995: 131] другие послелоги в МЯ можно считать аналогами персидских изафетных предлогов. Они присоединяются к существительному с помощью изафетного показателя, который регулярно опускается после слова с основой на гласную [Ibid.: 74], но может быть опущен и в других случаях, причем определенного правила, по которому это происходит, не обнаружено [Ibid.: 133]. Однако порядок главного слова и распространяющего элемента в МЯ обратный, поэтому в противовес персидским изафетным **предлогам** мазандеранские образования мы называем изафетными **послелогам**. Данный подход распространяется и на близкородственный мазандеранскому ГЯ.

Мы рассматриваем персидский изафетный предлог в соединении с существительным как главный элемент сочетания [Иванов 2014]. Сходный результат дает и совершенно отличный подход, согласно которому изафетный предлог считается существительным [Karimi, Brame 2012: 23]. В обеих интерпретациях второе слово (существительное), стоящее в постпозиции к изафетному предлогу, полагается распространяющим элементом. Согласно взглядам Л. С. Пейсикова, изафетный показатель только фонетически примыкает к первому члену, а синтаксически он в равной степени связывает оба члена (см. выше).

Например, в персидском сочетании (31) изафетный предлог *lab-e ‘y’* — главное слово, а *daryā* ‘море’ — распространяющее.

- (31) персидский
lab-e daryā
 y-IZF море
 ‘у моря’ (букв. ‘губа моря’)

В мазандеранском примере (32) изафет соединяет послелог с существительным.

- (32) МЯ, г. Баболь
mə xāxer-ə vesse
 я.GEN сестра-GEN для (традиционная интерпретация)
 я.IZF сестра-IZF для (предлагаемая интерпретация)
 ‘для моей сестры’

Ниже мы приводим примеры функционирования других послелогов с факультативной изафетной составляющей, число которых около полутора десятков в каждом прикаспийском языке:

- МЯ [Šokri 1995: 132]
 (33) *te sere pali*
 ты.GEN дом.GEN около (традиционная интерпретация)
 ты.IZF дом.IZF около (предлагаемая интерпретация)
 ‘у твоего дома’
 (34) *kuč-e sar*
 улица-GEN на (традиционная интерпретация)
 улица-IZF на (предлагаемая интерпретация)
 ‘на улице’ (букв. ‘голова улицы’)

ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 547]

- (35) *miz-ə=jir*
 стол-GEN под (традиционная интерпретация)
 стол-IZF=под (предлагаемая интерпретация)
 ‘под столом’
- (36) *dər-ə=bija*
 дверь-GEN возле (традиционная интерпретация)
 дверь-IZF=возле (предлагаемая интерпретация)
 ‘возле двери’

Поскольку подобные послелогии а) могут употребляться как в функции послелога, так и в функции существительного, б) могут связываться с существительным изафетным показателем, мы приходим к выводу, что их грамматикализация еще не закончена и вводить их в падежную систему пока нет оснований. В этой части описательная грамматика МЯ и ГЯ также остается беспадежной, против чего не наблюдается возражений и у сторонников традиционного подхода.

5. Выводы

В результате сопоставления традиционных трехпадежных описаний грамматик ГЯ и МЯ с предлагаемыми беспадежными вариантами мы приходим к следующим выводам:

1. На данный момент не обнаруживается цельных и логически непротиворечивых падежных описаний. В частности, с точки зрения категории падежа не обоснованы такие понятия, как оформление показателем родительного падежа прилагательного и показателем винительно-дательного падежа словосочетаний.
2. Вместо родительного падежа в описаниях ГЯ и МЯ предлагается оперировать изафетной связью, которая толкуется расширительно. Порядок следования главного и распространяющего слова может быть любым: сначала главное и затем распространяющее (как в юго-западных языках) или сначала распространяющее и затем главное (как в северо-западных). Статус слов с точки зрения главенства также может быть равным. В любом случае изафетный показатель фонетически присоединяется к первому слову, а синтаксически в равной степени относится к обоим словам.
3. Винительно-дательный падеж в грамматических описаниях предлагается рассматривать как сочетания имен с послелогом *-re / -a*.
4. Предлагается не вводить новых падежей для прочих послелогов (в том числе изафетных), поскольку они еще не полностью перешли в разряд служебных слов и могут употребляться как именные части речи.
5. Беспадежная грамматика для ГЯ и МЯ представляется более адекватной и экономной, чем падежная.
6. Беспадежную грамматику ГЯ и МЯ можно распространить на их диалекты — шамерзади и велатру.
7. Данный вариант беспадежной грамматики с точки зрения видов синтаксической связи в северо-западных языках согласуется с аналогичными разделами грамматики юго-западных языков, единственное существенное различие между которыми состоит в зеркальном порядке слов в изафетном словосочетании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABL — аблатив

ACC.DAT — винительно-дательный падеж

ART — артикль

GEN — родительный падеж

ILL — иллатив

IMP — повелительное наклонение	RA — то же, что и SPEC.DIR.OBJ
IZF — изафет, изафетный показатель	SG — единственное число
NOM — именительный падеж	SPEC.DIR.OBJ — показатель выделенности
PL — множественное число	прямого дополнения
PRS — настоящее время,	SPRL — превосходная степень
настояще-будущее время	TAM — показатель
PST — прошедшее время	времени-наклонения-вида

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арендс 1941 — Арендс А. К. Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.; Л: Институт востоковедения, 1941. [Arends A. K. *Kratkii sintaksis sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [A brief syntax of Modern Standard Persian]. Moscow; Leningrad: Institute of Oriental Studies, 1941.]
- Аркадьев 2006 — Аркадьев П. М. Типология двухпадежных систем. Дисс. ... канд. филол. наук. М: Институт славяноведения, 2006. [Arkad'ev P. M. *Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem. Kand. diss.* [A typology of two-case systems. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2006.]
- Ефимов и др. 1982 — Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н. Персидский, таджикский, дари // Абаев В. И., Боголюбов М. Н., Расторгуева В. С. (ред.). Основы иранского языкознания. М: Наука, 1982. С. 5—230. [Efimov V. A., Rastorgueva V. S., Sharova E. N. Persian, Tajik, Dari. *Osnovy iranskogo yazykoznavaniya*. Abaev V. I., Bogolyubov M. N., Rastorgueva V. S. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 5—230.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М: Языки славянской культуры, 2002. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Иванов 2014 — Иванов В. Б. Персидский субсинтаксис // Шалапина З. М. (отв. ред.). Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда. К 90-летию со дня рождения И. Ф. Вардуля и Ю. А. Рубинчика. Труды научной конференции. М: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 252—266. [Ivanov V. B. Persian subsyntax. *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki 2013. Dva vydayushchikhsya vostokoveda. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. F. Vardulya i Yu. A. Rubinchika. Trudy nauchnoi konferentsii*. Shalyapina Z. M. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies, 2014. Pp. 252—266.]
- Иванов 2015 — Иванов В. Б. Учебник персидского языка. Для 1-го года обучения. М: Садра, 2015. [Ivanov V. B. *Uchebnik persidskogo yazyka. Dlya 1-go goda obucheniya* [Persian for 1st year students]. Moscow: Sadra, 2015.]
- Керимова, Расторгуева 1975 — Керимова А. А., Расторгуева В. С. Категория падежа // Расторгуева В. С. (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2. М: Наука, 1975. [Kerimova A. A., Rastorgueva V. S. The category of case. *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov*. Vol. 2. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1975.]
- Керимова и др. 1980 — Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Расторгуева В. С. Гилянско-русский словарь. М: Наука, 1980. [Kerimova A. A., Mamedzade A. K., Rastorgueva V. S. *Gilyansko-russkii slovar'* [Gilaki-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1980.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Морфологические значения. Т. 2. Москва; Вена: Языки славянских культур, 1998. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. Morfologicheskie znacheniya* [A course of general morphology. Morphological meanings]. Vol. 2. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 1998.]
- Пахалина, Соколова 1957 — Пахалина Т. Н., Соколова В. С. Мазандеранский язык // Современный Иран. Справочник. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. С. 82—88. [Pakhalina T. N., Sokolova V. S. Mazanderani. *Sovremennyi Iran. Spravochnik*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. Pp. 82—88.]
- Пейсиков 1959 — Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М: ИМО, 1959. [Peisikov L. S. *Voprosy sintaksisa persidskogo yazyka* [Problems of Persian syntax]. Moscow: Institute of International Relations, 1959.]
- Пейсиков 1975 — Пейсиков Л. С. Лексикология персидского языка. М: МГУ, 1975. [Peisikov L. S. *Leksikologiya persidskogo yazyka* [Persian lexicology]. Moscow: Moscow State Univ., 1975.]

- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Расторгуева и др. 1971 — Расторгуева В. С., Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Пирейко Л. А., Эдельман Д. И. Гилянский язык. М: Наука, 1971. [Rastorgueva V. S., Kerimova A. A., Mamedzade A. K., Pireiko L. A., Edel'man D. I. *Gilyanskii yazyk* [The Gilaki language]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Абаев В. И., Боголюбов М. Н., Расторгуева В. С (ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Т. 3. М: Наука, 1982. С. 447—554. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Gilaki, Mazanderani (with dialects Shamerzadi and Velatru). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiiskie yazyki*. Vol. 3. Abaev V. I., Bogolyubov M. N., Rastorgueva V. S (eds.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 447—554.]
- Расторгуева 1999а — Расторгуева В. С. Велатру язык / диалект // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 141—144. [Rastorgueva V. S. The Velatru language / dialect. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 141—144.]
- Расторгуева 1999б — Расторгуева В. С. Гилянский язык // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 112—125. [Rastorgueva V. S. Gilaki. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 112—125.]
- Расторгуева 1999в — Расторгуева В. С. Мазандеранский язык // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 125—135. [Rastorgueva V. S. Mazanderani. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 125—135.]
- Расторгуева, Эдельман 2007 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М: Восточная литература, 2007. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка. М: Восточная литература, 2001. [Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo yazyka* [Modern Persian grammar]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001.]
- Соколов 1979 — Соколов С. Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Иранские языки. М: Наука, 1979. Т. 1. С. 232—271. [Sokolov S. N. The language of Avesta. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Iranskii yazyki*. Moscow: Nauka, 1979. Vol. 1. Pp. 232—271.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М: РГГУ, 2001. [Testelet's Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Afrāši 2015 — Afrāši Ā. *Sāxt-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Samt, 2015/1394.
- Anderson 2005 — Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Anvari, Ahmadi Givi 2010 — Anvari H., Ahmadi Givi H. *Dastur-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Fātemi, 2010/1389.
- Āqā Gol-zāde 2007 — Āqā Gol-zāde F. Naqš-e āvāyi vs ma'nāyi-ye švā vāke-ye miyāni-ye xonsā dar guyeš-e māzandarāni. *Majmu'e-ye maqālāt-e naxostin hamāyeš-e melli-ye zabānšenāsi, katibehā va motun*. Es-mā'ilpur A. (ed.). Tehrān: Pažuhešgāh-e Sāzemān-e mirās-e farhangī, 2007/1386.
- Bāteni 2014 — Bāteni M. *Towsif-e sāxtemān-e dasturi-ye zabān-e fārsi*. Tehrān: Amir Kabir, 2014/1393.
- Baxšzād Mahmudi 2006 — Baxšzād Mahmudi J. *Dastur-e zabān-e gilaki. Sarf-o nahv-o āyin-e negāreš*. Rašt: Gilakān, 2006/1385.
- Beresine 1853 — Beresine I. N. *Recherches sur les dialectes Persans*. Vol. I. Casan: Imprimerie de l'université, 1853.
- Blake 2004 — Blake B. J. *Case*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Blake 2008 — Blake B. J. History of the research on case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 13—26.
- Borjān 2013 — Borjān H. Perso-Tabaric dialects in the language transition zone bordering Mazandaran. *Studia Iranica*. 2013. Vol. 42. Pp. 195—225.
- Borjiyān 2004 — Šenāsehā-ye fe'l dar māzandarāni-ye šarqi. *Guyeššenāsi*. 2004/1383. Vol. 7. No. 2. Pp. 13—19.

- Christensen 1930 — Christensen A. Dialecte guilākī de Recht, dialectes de Fārizānd, de Yaran et de Natanz. *Contributions à la dialectologie iranienne*. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1930.
- Deyhim 2005 — Deyhim G. Nokāt-i bargerefte az xordeguyeshā-ye Qasirān. *Guyeshenāsi*. 2005/1384. Vol. 2. No. 1. Pp. 85—88.
- Faršidvard 2003 — Faršidvard X. *Dastur-e mofassal-e emruz bar pāye-ye zabānshenāsi-ye jadid*. Tehrān: Soxan, 2003/1382.
- Ghaniabadi et al. 2006 — Ghaniabadi S., Ghomeshi J., Sadat-Tehrani N. Reduplication in Persian: A morphological doubling approach. *Proceedings of the 2006 annual conference of the Canadian Linguistic Association*. Susie Jones (ed.). 2006.
- Haider, Zwanziger 1981 — Haider H., Zwanziger R. Relatively attributive: The ‘ezāfe’-construction from Old Iranian to Modern Persian. *Historical Syntax*. Fisiak J. (ed.). Berlin: Mouton, 1981. Pp. 137—172.
- Humand 2003 — Humand N. *Pažuheš-i dar zabān-e tabari (māzandarāni)*. Āmol: Tāleb-e āmoli, 2003/1382.
- Johanson 1999 — Johanson L. The dynamics of code-copying in language encounters. *Language encounters across time and space. Studies in language contact*. Brendemoen B., Lanza E., Ryen E. (eds.). Oslo: Novus forlag, 1999. Pp. 37—62.
- Kalbāsi 2009 — Kalbāsi I. *Farhang-e towsifi-ye gunehā-ye zabāni-ye Irān*. Tehrān: ‘Olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī, 2009/1388.
- Karimi 2003 — Karimi S. On object positions, specificity, and scrambling in Persian. *Word order and scrambling*. Karimi S. (ed.). Malden: Blackwell Publishing, 2003.
- Karimi, Brame 2012 — Karimi S., Brame M. A generalization concerning the ezāfe construction in Persian. *Linguistic Analysis*. 2012. Vol. 38. Pp. 1—38.
- Khajian, Alinezhad 2010 — Khajian A., Alinezhad B. A morphological doubling approach to full reduplication in Persian. *SKY Journal of Linguistics*. 2010. Vol. 23. Pp. 169—198.
- Lecoq 1989 — Lecoq P. Les dialectes caspiens et du nord-ouest de l’Iran. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989.
- Malchukov, Spencer 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Matras 2007 — Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Meškāt-od-Dini 1995 — Meškāt-od-Dini M. *Dastur-e zabān-e fārsi bar pāye-ye nazariye-ye gaštāri*. Tehrān: Dānešgāh-e Ferdowsi, 1995/1374.
- Nātel Xānlari 1990 — Nātel Xānlari P. *Dastur-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Tus, 1990/1370.
- Nourian et al. 2015 — Nourian A., Rasooli M., Imany M., Faili H. On the importance of ezāfe construction in Persian parsing. *The 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL) and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing*, 2015. Pp. 877—882.
- Purhādī 2006 — Purhādī M. *Zabān-e gilaki*. Rašt: Farhang-e Ilyā, 2006/1385.
- Sabz’alipur 2013 — Sabz’alipur J. Naqd-o barrasi. *Zabānhā-vo guyeshā-ye irāni*. 2013/1392. Vol. 3. Pp. 201—216.
- Samvelian 2007 — Samvelian P. A (phrasal) affix analysis of the Persian ezāfe. *Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 43. Pp. 605—645.
- Schmitt 1989 — Schmitt R. Altpersisch. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. Pp. 56—85.
- Šokri 1995 — Šokri G. *Guyesh-e Sāri*. Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī. 1995/1374.
- Šokri 2005 — Šokri G. *Guyesh-e rāmsari*. Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī. 2005/1384.
- Stilo 2008 — Stilo D. Case in Iranian: From reduction and loss to innovation and renewal. *The handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 700—715.
- Windfuhr 1990 — Windfuhr G. Cases. *Encyclopædia Iranica*. Yarshater E. (ed.). New York: Columbia Univ., 1990. Available at: www.iranicaonline.org/articles/cases.
- Za’ferānlū Kāmbuzyā, Esfandyāri 2005 — Za’ferānlū Kāmbuzyā E., Esfandyāri M. Ta’sir-e tekyye dar zamān-e af’āl dar guyesh-e māzandarāni-ye Qā’emshahr. *Guyeshenāsi*. 2005. Vol. 2. No. 1. Pp. 77—84.